

8. Корнилов И.П. Памяти графа М.Н. Муравьева : К истории Виленского учебного округа за 1863–1868 гг. СПб. : Тип. Комарова, 1898.
9. Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае. СПб. : Тип. А.П. Лопухина, 1901.
10. Коялович М.О. Чтения по истории Западной России. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1884.
11. Лелива. Русско-польские отношения. Лейпциг : Каспрович, 1895.
12. Полевой А. О языке населения Новозыбковского уезда Гомельской губернии. Минск : 1-я Гостип., 1926.
13. Пыпин А.Н. История русской этнографии : в 4 т. Минск : БелЭн, 2005. Т. 4 : Белоруссия и Сибирь.
14. Сапунов А. Белоруссия и белорусы. Витебск, 1910.
15. Свинын П.П. Картины России и быт разноплеменных ее народов, из путешествий П.П. Свинына. СПб. : Тип. Н. Греча, 1839.
16. Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М. : Географгиз : 16 тип. Союзполиграфпрома, 1950.
17. Улащик Н.Н. Очерки по археологии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М. : Наука, 1973.
18. Хмельницкая Л.В. Эволюция взглядов А.П. Сапунова на проблему самоопределения белорусов // Русь – Литва – Беларусь : Проблемы национального самосознания в историографии и культурологии. М. : Наследие, 1997.
19. Цьвікевіч А. «Западно-руссизм» : Нарысы з гісторыі грамадскай думкі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. 2-е выд. Мінск : Навука і тэхніка, 1993.
20. Шпилевский П.М. Путешествие по Полесью и белорусскому краю. Минск : Полымя, 1992.
21. Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków : Akademia Umiejętności, 1903. Tom III : Baśnie, przypowieści i podania ludu z okolic Wołkowyska, Stonima, Lidy i Sokółki. Część II : Tradycje historyczno-miejscowe oraz powieści obyczajowo-moralne.
22. Łowmiański H. Studia nad dziejami Wielkiego księstwa Litewskiego. Poznań : Wydaw. Naukowe uniwersytetu im. A. Mickiewicza, 1983.
23. Wapiński R. Polska i małe ojczyzny polaków. Wrocław : Ossolineum, 1994.

Дата поступления в редакцию: 24.01.2011

УДК 340.1

В.П. Шиенок, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ И ИНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ НОВОЙ МЕТОДОЛОГИИ БЕЛОРУССКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Рассматриваются вопросы современного состояния методологической основы отечественной юридической науки под углом зрения геополитических, экономических и социальных изменений, вызванных распадом СССР. Обосновывается ведущая роль мировоззрения исследователей в структуре методологии науки. В целях создания основ новой методологии предлагается для осмысления ряд философских категорий гуманистической направленности.

The questions of modern state of methodological basis of native legal science are examined at the angle of view of geopolitical, economical and social changes after the USSR destruction. The main role of scientists' world-view in the science methodology structure is substantiated. The range of humanistic direction philosophic categories is proposed for conception for the purpose of new methodology creation.

Важнейшим общественно-политическим событием планетарного масштаба второй половины XX в., безусловно, является распад Советского Союза и мировой системы его стран-сателлитов. Главное значение факта крушения СССР для существовавшей системы науки в целом и советской юриспруденции в частности является не разрушение ее материально-технической, финансовой, организационной базы (хотя и это крайне важно), а утрата ею идеологического фундамента и соответственно единой методологической основы. Распад советского государства, с одной стороны, явился прямым следствием процесса девальвации официальной идеологии (системы ценностей, идей и принципов) в общественном и индивидуальном сознании. С другой стороны, кардинальное изменение экономико-правовой ситуации ознаменовало собой финальную стадию разрушения старой мировоззренческой модели на уровне общества и индивида. Для советских общественных наук крах СССР в первую очередь означал открытую фазу системного методологического кризиса, обусловленного несоответствием базовых мировоззренческих ценностей, идей и принципов реальному ходу общественной жизни и объективным законам мироздания.

Кризис методологии советской науки конца XX в. – это в первую очередь кризис индивидуального человеческого мировоззрения как результат противоречий, накопившихся в общественном и индивидуальном сознании. Говоря иными словами, идеологические постулаты, зако-

ны бытия, принципы жизнедеятельности и тому подобные категории, на которых были воспитаны и выросли поколения советских юристов, отчетливо показали свою несостоятельность и стали быстро обесцениваться. Например, казавшиеся некогда объективными фундаментальные принципы советской науки, такие, как классовость, руководящая и направляющая роль КПСС, демократический централизм, канули в небытие. Актуализирующим мировоззренческий кризис фактором являлось расхождение между декларируемыми КПСС и государством принципами и идеалами и фактическими условиями их реализации, жизнью и деятельностью людей. Например, нормы морального кодекса строителя коммунизма, правильного и полезного для общества документа, не соблюдались в большинстве своем руководящими функционерами КПСС, однако активно пропагандировались среди населения СССР.

Влияние распада СССР на юридическую науку постсоветских государств происходило в двух основных направлениях – условно говоря, внешнем и внутреннем. Во-первых, появление почти двух десятков новых суверенных государств и национальных законодательств коренным образом изменило эмпирическую базу юриспруденции, наполнило новым содержанием объект исследования. Во-вторых, кардинальные внешние изменения в экономике, политике, государственно-правовых явлениях со всей неизбежностью породили кризис в сознании ученых-юристов. Подавляющее большинство из них не предвидели и не могли предвидеть такого хода истории, так как методология советской юриспруденции, марксистско-ленинская доктрина, мировоззрение исследователей изначально исключали возможность краха советской модели социалистического государства и права.

Однако, несмотря на произошедшие в 90-х гг. прошлого века кардинальные внешние изменения в содержании объекта исследования (закономерности существования государства и права), в настоящее время методология белорусской юриспруденции в целом сохраняет свое «советское» содержание. Главной причиной такого положения является сохранение в сознании ученых-юристов основ старой мировоззренческой модели, отсутствие новой парадигмы науки.

Термин «методология» используется в двух основных значениях. Во-первых (чаще всего), его применяют для обозначения системы знаний о способах, методах, принципах процесса научного познания в целом, а также применительно к частнонаучным методам и приемам познания в конкретных отраслях науки. Во-вторых (значительно реже), о методологии науки говорят как о концептуальном подходе к изучению действительности и практике реагирования на теоретико-прикладные задачи, отражающем мировоззренческую основу, видение стратегической ситуации конкретным ученым, научным коллективом, иными субъектами жизнедеятельности [1, с. 13–22].

Понимание методологии науки как основы мировоззрения ученого, системы его базовых жизненных идей и взглядов отражает главное, исходное значение данного термина. Именно идеальные явления (идеи, взгляды, принципы) обуславливают содержание и методику применения конкретных методов, приемов, средств, используемых исследователями. Трудно оспорить тот факт, что именно мировоззрение исследователя формирует направленность его мышления, а следовательно генеральное и конкретные направления научного поиска, методы, принципы, приемы, средства познания – условно говоря, индивидуальную методологию науки. Человек как субъект познания в принципе не создает новых знаний, а лишь расширяет свое сознание, т. е. происходит осознание субъектом объективного мира. Говоря иными словами, нельзя открыть, познать что-либо, чего не существует на данный момент. Любое научное открытие – это получение новой информации об объекте познания и включение ее в соответствующую понятийную систему (систему науки). Однако и сам объект, и сведения о нем объективно существовали ранее, т. е. до их обнаружения. Познавательная активность субъекта лишь проявляет эти новые объекты, преобразует информацию о них, делает ее доступной для других людей. Свежие идеи, принципы, взгляды, их система ведут к новым направлениям научного поиска, эксперимента. Экспериментальные исследования уточняют и конкретизируют гипотетические знания, в ходе чего мировоззрение ученого может трансформироваться. Яркие примеры истории – свидетельство этому. Достаточно вспомнить революционные для XVI в. идеи Н. Коперника и Дж. Бруно о новой астрономической системе, устройстве Вселенной, бесконечности миров. Эти знания не просто не соответствовали, они противоречили господствовавшему в то время в обществе и науке воинствующему клерикализму как официальному мировоззрению, представляли ему прямую угрозу. Внедрение в науку и жизнь нового методологического подхода, научных идей, экспериментов и принципов стоило жизни одному из великих ученых Средневековья – Дж. Бруно.

В этой связи можно с уверенностью заключить, что будущее юридической науки лежит в смещении акцента с изучения государства и права как таковых на их изучение в контексте состояния человеческого общества и его членов. Иными словами, объектом будущей юриспруденции должны стать закономерности воздействия государственно-правовых явлений на человеческое общество, его макро- и микрогруппы, индивидов, а также обратное влияние общества на государство и право. Речь идет о закономерностях, возникающих при управлении обществом с помощью государства и права, как комплексных способах организации жизни людей.

Аксиома, что эффективность любой организации, управления зависит от качества постановки целей, которых организация желает достичь, поэтому государство и право как способы организации человеческого общества, наука, их изучающая, должны располагать системой соответствующих целей и задач. Выявить, раскрыть эти цели посредством исследования государственно-правовых явлений как таковых невозможно. Человек здесь выступает одновременно как субъект и объект управления. Таким образом, первоначальной задачей юридической науки, исследователей в содружестве с иными отраслями научного знания является комплексное теоретическое осмысление сути человека как субъекта и объекта государственно-правового воздействия. Результаты такого осмысления, научных дискуссий по данной проблеме создадут мировоззренческую основу новой, гуманистической юриспруденции, юридической науки будущего.

В качестве возможных базовых положений для научного осмысления могут использоваться следующие:

существует феномен человеческой души как самостоятельной субстанции, лежащей в основе индивидуального бытия человека;

всеобщий диалектический метод представляет собой базовую мировоззренческую идею о единстве всего сущего, духовного и материального сторон существования;

индивидуальная воля – это врожденная психофизическая способность человека к концентрации психической (душевной) энергии на достижении поставленных целей, являющаяся одной из динамических характеристик его личности;

индивидуальное сознание – это врожденная психофизическая способность человека воспринимать и воспроизводить картину мира, индивидуализировать себя в нем, являющаяся одной из динамических характеристик его личности;

совесть – это особое врожденное психическое свойство, характеристика человека, выражающая связь души и тела, проявляющаяся в индивидуальной нравственной оценке различных аспектов жизнедеятельности индивида и общества;

интеллект – это динамическая характеристика человеческой личности, отражающая потенциально возможный и реально усвоенный индивидом объем информации, а также уровень способности к ее анализу, интерпретации и использованию в процессе жизнедеятельности;

существует единая стратегическая цель (смысл жизни), присущая каждому человеческому существу как биологической единице, поиску, осознанию и реализации которой должно способствовать государство и право, а также наука, их изучающая;

государство и право есть комплексные способы организации сосуществования человеческих существ на определенной территории, производны от общества и определяются им, соотносятся как форма и содержание;

духовный (относящейся к душе) и телесный (материальный) аспекты жизнедеятельности человека и общества равнозначны с позиций юриспруденции;

реальным участником (субъектом, стороной) правоотношения является только человек (микро-, макрогруппа), представляющий собой единство души и тела.

Библиографические ссылки

1. Вишневский А.Ф., Горбатов Н.А., Кучинский В.А. Общая теория государства и права : курс лекций. Минск : Тесей, 1998.
2. Штайнер Р. Христианство как мистический факт и мистерии древности. Ереван : Ной, 1991.
3. 2010 год бьет рекорд по масштабам природных катастроф [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://podrobnosti.ua/accidents/2010/12/27/742929.html> (дата обращения: 26.01.2011).

Дата поступления в редакцию: 03.03.2011

ниях. Но в таком случае следует говорить и о правосознании государства, так как если есть государственная воля, значит ей должно соответствовать государственное сознание. Это следует из всеобщего диалектического метода и внутренней логики системы юриспруденции. Тогда что такое государственное правосознание, это сознание государственных служащих или что-то иное? Такого рода вопросы можно продолжить. Все они логически, семантически, структурно следуют из существующего категориального аппарата юридической науки, однако вступают в системное противоречие с ее господствующей методологической основой, а также индивидуальным мировоззрением исследователей. Вместе с тем, допуская коллективные психические явления, такие, как общественное правосознание, общественная воля, коллективная вина, юриспруденция с советских времен выходит за рамки материалистической картины мира, господствующей мировоззренческой модели. Данные методологические противоречия являются предпосылками для зарождения и развития новых метапринципов, мировоззренческих моделей и концептов в науке и соответственно создания ее новой методологии.

Корень существующих проблем методологии юриспруденции видится в способе осмысления (системе мышления, ее приоритетах) ученым государственно-правовых явлений, который определяется мировоззренческими основами личности. Основным вопросом марксистско-ленинской философии принято считать вопрос о соотношении материального и идеального (материи и сознания, бытия и мышления), который традиционно решается в пользу материального по схеме «бытие определяет сознание». Эта сугубо теоретическая, на первый взгляд, конструкция, преломляясь в сознании ученых-юристов, оказывает порой определяющее влияние на их мировоззрение и соответственно методологию юриспруденции, методики конкретных исследований. В этом смысле она является метапринципом мировоззрения ученых, соответствующих отраслей наук. Известно, что метапринцип работает (влияет на деятельность) опосредованно, определяя содержание, участвуя в формировании конкретных принципов той или иной активности людей. Тезис «бытие определяет сознание», или «внешнее определяет внутреннее», предопределяет вторичность человека, его потребностей, интересов, целей по сравнению с потребностями, интересами, целями государства и права в юридической науке, законодательстве, правоприменении. Человек в контексте материалистического видения представляет собой обладающий сознанием (способностью мыслить) биомеханизм, вполне осязаемый материальный объект, целиком и полностью подчиняющийся материальным законам бытия. Именно поэтому юриспруденция сейчас нацелена на изучение оторванных от реальной жизни догматических конструкций, человек с его нуждами, потребностями, интересами вторичен по сравнению с исследованием правовой материи, правового поля, норм права, субъекта права, правоотношений, государственных институтов.

Если проанализировать основные вызовы и угрозы человечеству в XXI в. в историческом контексте, можно прийти к выводу, что современный человек и общество имеют такие же по сути проблемы, как и тысячи лет тому назад. Основные вызовы и угрозы современности – это голод, болезни, войны и вооруженные конфликты, различные формы противоправного насилия, рабство, природные и техногенные катастрофы. Единственное существенное отличие современной ситуации в мире от исторического прошлого – это появление новой угрозы – быстрого самоуничтожения человеческого общества в планетарном масштабе в силу безответственного развития технологий, а также общемировой поведенческой стратегии наращивания глобального потребления. Во-первых, имеется в виду растущая вероятность возникновения локальных и глобального вооруженных конфликтов с применением оружия массового уничтожения. Во-вторых, под предлогом повышения жизненных стандартов происходит неразумное наращивание потребления людьми ресурсов планеты, особенно в промышленно развитых странах мира. Повышается риск глобальных техногенных и природных катастроф, в том числе вызванных изменениями в экологии планеты. Так, по данным ООН, 2010 г. стал рекордным по числу, масштабам и жертвам природных катастроф в мире [3]. Таким образом, человек существенно изменил внешнюю сторону своей жизни (среда обитания, образ жизни, орудия труда, технологии, одежда, технические средства и т. п.), но от этого проблемы его выживания, жизнеобеспечения только обострились. Этот факт трудно оспаривать, так как все наблюдаемые на Земле глобальные изменения (к сожалению, в большинстве своем негативные) так или иначе связаны с деятельностью человека. В своей деятельности на микро- или макроуровне человек реализует, проявляет свой внутренний мир, свои мечты, цели, эмоции, интересы и т. д. Наблюдаемые негативные процессы и изменения есть ни что иное, как проекция части внутреннего мира людей вовне, поэтому ключ к изменению условий жизни, гармонизации среды обитания лежит внутри каждого индивида.

Анализ современного состояния теоретических разработок белорусской юридической правовой науки, национального законодательства и правоприменительной практики позволяет констатировать наличие главным образом поверхностных, косметических изменений методологической основы юриспруденции в сравнении с 80–90-ми гг. прошлого века. Это в равной степени касается как общетеоретических (история, теория государства и права), так и отраслевых и прикладных юридических дисциплин. Наиболее рельефно справедливость сказанного прослеживается на примере такой фундаментальной юридической дисциплины, как теория государства и права (теория права), методологические проблемы которой автоматически транслируются на иные отрасли.

Первый и наиболее важный момент заключается в том, что универсальным методом научного познания в белорусской юриспруденции де-факто остается марксистско-ленинский диалектический материализм. Изменилось лишь его название, термин при сохранении старого содержания. Сейчас говорят и пишут о всеобщем диалектическом методе как основе методологии (главном универсальном методе) юриспруденции. На самом деле материализм был и остается основой мировоззрения большинства ученых-правоведов, с диалектикой же дела обстоят несколько иначе, ее законы принимаются в расчет, скорее, избирательно. Именно этим можно объяснить наличие существующих десятки лет методологических противоречий в содержании юридических и иных наук.

Если встать на последовательно диалектические позиции, т. е. безоговорочно признать единство в многообразии, всеобщую взаимосвязь и взаимозависимость всего сущего, проявленного и непроявленного, значит необходимо признать равноценность материальной и идеальной сторон бытия. Точнее, следует априори признать равнозначность материального и духовного, внешнего и внутреннего во всем и везде. Однако такой мировоззренческий подход не характерен для отечественной юридической науки. Например, краеугольным камнем теории юридической ответственности является понятие вины и мотива как элементов субъективной стороны правонарушения. Под виной принято понимать психическое, внутреннее отношение правонарушителя к содеянному и его последствиям. Соответственно мотив трактуется как внутренняя побудительная сила совершения субъектом того или иного противоправного деяния. Нетрудно заметить, что центральное место в содержании указанных категорий занимают психические, т. е. внутренне присущие человеку явления. Со студенческой скамьи всем юристам известно, что *psyche* в переводе с древнегреческого означает «душа». Таким образом, семантически в основе двух ключевых юридических терминов должно лежать духовное содержание, так как они суть проявления души. Значит ли это, что юриспруденция, а также современная белорусская наука в целом признает наличие внутреннего мира человека, центром которого является душа? Ответ отрицательный. Это обусловлено тем, что сам по себе факт признания феномена души в корне противоречит диалектическому материализму как мировоззренческому метапринципу. Однако просто игнорировать феномен психических явлений в принципе невозможно, слишком явно они проявляют себя в жизни людей, влияют на возникновение и динамику правоотношений. Именно поэтому в современной юриспруденции о психическом, внутреннем говорится вскользь, как бы невзначай. Психическое в юриспруденции сводится в основном к двум аспектам, которые весьма условно можно считать духовными, – это воля и интеллект субъекта правонарушения. Причем если в отношении содержания категории «интеллект» присутствует определенная ясность, то содержание термина «воля», по сути, не раскрывается в юридической литературе. Хотя данное понятие является фундаментальным для целого ряда специальных юридических терминов, например: индивидуальная воля, воля народа, государственная воля, политическая воля, волеизъявление и т. д. Данный методологический изъян свидетельствует в первую очередь об ограниченности материалистического мировоззрения, предпочитающего не замечать духовную сторону жизни, отдавать ее на откуп религии. Думается, причины исключения вопросов духовности из предмета науки в широком смысле этого слова следует искать в историческом прошлом. Речь идет об исследовании проблемы диалектики науки и религии, их роли и значения в организации жизни общества. Можно предположить, что на рубеже XIX и XX вв. естественнонаучные открытия, реализованные в соответствующих промышленных технологиях, завершили мировоззренческий раздел между религией и наукой, противопоставив духовность и научные знания. Показательно в этом плане высказывание одного из исследователей того времени Р. Штайнера, который писал: «Естественнонаучное мышление оказало глубокое влияние на современные представления. Все менее становится возможным говорить о духовных потребностях, о „жизни души“, не впадая в противоречие с образом мыслей и выводами естествознания» [2, с. 10].

Будучи не решенной на уровне общеправовой доктрины, проблема вины и юридической ответственности усугубляется на уровне отраслевых юридических дисциплин. В качестве примера можно назвать положения административного законодательства Беларуси об ответственности юридических лиц. Данные новации современного отечественного административного законодательства являются наиболее противоречивыми в методологическом плане. Институт административной ответственности юридического лица нашел свое правовое закрепление в КоАП 2003 г. (введен в действие с 1 марта 2007 г.). Уже с момента принятия в нем присутствует принципиальное методологическое противоречие между закрепленным в КоАП принципом виновной ответственности (ст. 1.4, 2.1, 4.1 и др.) и нормами, посвященными вине юридического лица как субъекта административного правонарушения и его административной ответственности. Так, согласно ст. 3.5 «Вина юридического лица» юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что им не соблюдены нормы (правила), за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, и данным лицом не были приняты все меры по их соблюдению. Очевидно, что здесь вина юридического лица как правовая категория понимается законодателем принципиально иначе, чем вина физического лица (ст. 3.1 КоАП), а также ее доктринальная трактовка. Если под виной физического лица в КоАП понимается психическое отношение физического лица к совершенному им противоправному деянию (т. е. общедоктринальный подход), то вина юридического лица обуславливается соблюдением (принятием всех мер по соблюдению) им комплекса охраняемых административным законом норм и правил. Таким образом, если в первом случае вина трактуется законодателем как субъективное явление, то во втором соответственно как объективное. Складывается впечатление, что законодатель, принявший ныне действующую редакцию ст. 3.5 КоАП и иных соответствующих норм, равно как и авторы научных публикаций, поддерживающих данную правовую конструкцию, в принципе игнорируют методологию юридической науки. В связи с введением института административной ответственности юридического лица в административном праве возникли новые откровенно противоречивые моменты. Например, подлежит ли административной ответственности юридическое лицо, если противоправное деяние было совершено его должностным лицом в неменяемом состоянии, каким требованиям должно отвечать юридическое лицо как субъект правонарушения и т. д.? И, наконец, встает вопрос: а возможно ли в принципе соблюсти все нормы и правила, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, и принять все меры по их соблюдению (ст. 3.5 КоАП)? С учетом десятков тысяч нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность субъектов хозяйствования, думается, что нет. Это значит, что действующая правовая конструкция административной ответственности юридического лица изначально предполагает виновность как устойчивую характеристику хозяйствующего субъекта.

С существующих методологических позиций категория «вина юридического лица» в административном праве – это нонсенс, который порождает целый ряд общеправовых проблем. Надо четко понять и представить, что если юридическая наука признает существование такого явления, как вина юридического лица, значит ученые и практики должны также признать существование таких явлений, как психика, воля и интеллект юридического лица, т. е. коллективная психика, коллективная воля, коллективный интеллект, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Этот вывод логически вытекает из действующей методологии юриспруденции. Следуя логике законодателя, признав существование вины юридического лица, мы должны быть готовыми признать вину административно-территориальных образований, отдельных государств, государственных образований, социальных групп и т. д. Все это следует из нормы ст. 3.5 КоАП Республики Беларусь, если экстраполировать ее содержание на национальную правовую доктрину и законодательство в целом. Если же принять во внимание, что главным отличием административного деликта от преступления является более низкая степень общественной опасности (вредности), то возникает вопрос о межотраслевой согласованности норм административного и уголовного законодательства, а также соответствующих научных дисциплин.

Это только один наиболее характерных пример, иллюстрирующий проблему кризиса методологии в современной теории и практике юриспруденции. Таких примеров множество. Что такое воля? Что такое воля народа как источник права, равна ли она совокупности воли индивидов? Что такое воля государства, ее соотношение с волей народа и индивидуальной волей? Теория государства и права оперирует понятиями индивидуального и коллективного правосознания, под которыми понимается господствующая в обществе (характерная для индивида) система взглядов, представлений, принципов, идей, чувств о государственно-правовых яв-